

УДК 1 (091)

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРАКТИК В МЫСЛИ М. ФУКО: ОТ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ К ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ФИЛОСОФИИ*

О. А. Власова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 25 января 2016 г.

Аннотация: статья посвящена сопоставлению ранних и поздних историографических стратегий в творчестве М. Фуко. Анализируются разные этапы развития его историографии: ранняя история психологии как история исследований души и антропологически ориентированная критика науки, коренное переосмысление задач науки о человеке и определение ее как исторической науки, поздняя история философии как история заботы о себе и высказывания истины. Подчеркивается значение исследования практики (как практики исследования души, заботы о душе) в историографии Фуко.

Ключевые слова: М. Фуко, историография, история философии, археология, история психологии, практика, забота о себе.

Abstract: the article compares early and late historiographical strategies in Michel Foucault's work. Author analyzes the different stages of development of his historiography: the early history of psychology as a history of research of the soul and anthropologically oriented criticism of science, fundamental rethinking of the problems of human sciences and interpretation it as a historical science, the late history of philosophy as a history of care of the self and declaring the truth. The importance of research of practices (such as the practice of study of the soul, the care of the self) in Foucault's historiography is emphasized.

Key words: M. Foucault, historiography, history of philosophy, archeology, history of psychology, practice, care of the self.

Есть разного рода мыслители. Есть те, что долго зреют и эволюцию мысли которых можно проследить начиная с ранних и вплоть до поздних работ. Есть те, что весь творческий путь меняют предпочтения, радикальным образом изменяя свое мировоззрение. А есть те, что рождаются как мыслители уже с цельным взглядом, а потом только поверяют им различные регионы реальности. Мишель Фуко, наверное, из последних.

Если посмотреть на ранние юношеские статьи Фуко и на его поздние, прочитанные перед смертью, лекционные курсы, заметно несколько сходных моментов: особый стиль проблематизации истории, эпистемологический ракурс исследования науки, акцентирование связи теории и практики и некоторые другие, которые можно увидеть, только показав три только что обозначенных. Сопоставление, сравнение раннего и позд-

* Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ 15-33-1013 «Философская историография во французской философии второй половины XX века».

него Фуко позволяет нам увидеть его подчёрк: тот сохранившийся с годами и только кристаллизовавшийся стиль Фуко, которым «заразилась» целая плеяда исследователей по всему миру.

Последние годы принесли исследователям творчества Фуко новый материал: во Франции начата и продолжается публикация его лекционных курсов и семинаров, одновременно выходят их переводы, в том числе и русские. Эти новые тексты дают возможность переоценить устоявшиеся стереотипы в трактовке творчества Фуко и уточнить ряд более ранних исследовательских гипотез. Сопоставление поздних лекционных курсов с ранними работами философа позволяет выстроить более полную канву его творческой эволюции. Попытка пройти от раннего к позднему – основное содержание настоящей работы.

Душа в исторической перспективе

Ранние статьи Фуко, написанные еще до «Истории безумия в классическую эпоху», посвящены психологии, точнее представляют эпистемологический взгляд на ее развитие. Это прежде всего «Научное исследование и психология» (1957) и «Психология с 1850 по 1950 г.» (1957), кроме того, авторское «Введение» (1954) к статье Л. Бинсвангера «Сон и существование», а также первая монография «Психическая болезнь и личность» (1954). В самых поздних лекционных курсах Фуко характеризует свой проект как исследование очагов, или матриц, опыта и связывает его с выделением трех конституирующих этот опыт осей: оси формирования знания, оси нормативности поведения и оси конституирования способов быть субъектом [1, с. 44]. В ранних работах мы уже видим эти оси: первую и последнюю – в работах о психологии, вторую – в ранней монографии «Психическая болезнь и личность» [2]. Причем понимает он их в поздних и ранних работах сходным образом.

Эпистемологический взгляд здесь, как и в поздних работах и лекционных курсах, цепляется за парадоксы. Главный парадокс для раннего Фуко – научный статус психологии, точнее выбор ею определенной парадигмы научности, тем более что этот парадокс непосредственно связан с его собственным личным опытом. В студенческие годы одним из преподавателей студенту Фуко был задан вопрос о предпочтении традиции, который и заставил обратиться того не просто к истории психологии как науки, но к истории формирования ее идентичности. «Это, – позднее вспоминал Фуко, – был один из самых известных белых халатов от психологии...; он спрашивал у новичка, хочет ли тот заниматься “психологией”, как М. Праден и М. Мерло-Понти, или все же “научной психологией”, как Бине и прочие современные исследователи, которых он из скромности не назвал. <...> ...как и многие другие само собой разумеющиеся вещи, вопрос этот чрезвычайно значим и имплицитно отсылал к одной из наиболее фундаментальных структур современной психологии» [3. с. 242–243].

Самый главный вопрос ранних работ Фуко – что стоит за научностью психологии, за ее теорией и практикой, за целями ее развития, за иссле-

двумя ее вопросами. Как осмысляет и определяет себя сама психология? Обращаясь к истории становления и развития этой науки, Фуко пытается приоткрыть завесу официальной истории, повествующей о ее свершениях, и обратиться к той Истории, которая выражается именно в такой, а не другой истории науки. Ключевым понятием при этом для него становится понятие «противоречие».

Противоречие между целями и актуальным развитием, между теорией и практикой, между ее проектом и ее же собственными постулатами. Распутывая нить этих противоречий, Фуко намерен вскрыть ядро идентичности психологии. В таком подходе Фуко выступает своеобразным психоаналитиком психологии. Что стоит за противоречием и конфликтом, какое имплицитное содержание сокрыто за символами официальной истории психологии? Как помочь психологии осознать это сокровенное и искомое содержание и как ей усвоить его, чтобы обрести, наконец, подлинную историю? Все вопросы Фуко, как видно, очень легко можно переформулировать на психоаналитический манер. Не случайно, психоанализ оказывается в его работах поворотным пунктом для истории психологии и психиатрии. Мы видим, что поворотным в те времена он является и для исследовательского взгляда самого Фуко.

Центральное противоречие психологии, по Фуко, – это противоречие ее проекта и постулатов, коренное противоречие позитивистской психологии: проект научной психологии, в конце концов, потребовал больше чем простого исследования человека как объекта среди других природных объектов, он показал недостаточность количественного и экспериментального подхода. Фуко заключает: «...Следуя идеалу строгости и точности наук о природе, она была вынуждена отбрасывать свои постулаты; движимая стремлением к объективной достоверности была вынуждена признать, что человеческая реальность есть нечто иное, чем сектор естественной объективности, и использовать для ее познания иные методы, чем те, модель которых могли представить ей науки о природе» [4, с. 198].

Посредством эпистемологического взгляда Фуко показывает тупик психологии. Цель построения психологии как объективной науки не может раскрыться только как объективное, количественное и экспериментальное исследование человека. Однако выход за пределы установленных методов и понимания человека как природного объекта приводит к тому, что под сомнение ставится сам проект. Проект научности не может довольствоваться постулатами одномерного научного исследования, но не может и отказаться от них, поскольку без них не имеет никакого смысла. В этом и состоит эпистемологический тупик современной Фуко психологии. В более поздней работе «Слова и вещи» Фуко будет более четко описывать это противоречие как тупик всех гуманитарных наук, связывая его с противоречивым статусом того, что начиная с нового времени будет описываться термином «человек». «Бесполезно, – будет подчеркивать он, – называть “гуманитарные науки” ложными науками – это вообще не науки; конфигурация, которая определяет их позитивность и

укореняет их в современной эпистеме, сама же лишает их возможности быть науками. <...> Под именем человека западная культура создала существо, которое по одним и тем же причинам должно быть позитивной областью знания и вместе с тем не может быть объектом науки» [5, с. 385].

В своих ранних статьях Фуко раскрывает историю развертывания, коллизии этого противоречивого развития. Он обращается к теориям, основывающимся на естественно-научной установке, – к физико-химической, органической и эволюционистской модели – и заключает, что все они показывают лишь тенденции, направленность развития, но не задаются вопросом о его смысле. Его обнаружение Фуко связывает с развитием психоанализа и экзистенциально-феноменологической психиатрии.

В итоге, что закономерно и чего и нужно было ожидать, Фуко обращается к психологии экзистенции, или психологии жизни. Он подчеркивает, что психология, являясь наукой о многомерной душе, не может ограничивать свои исследования только одной плоскостью и одним порядком. Она не может превратить душу в объект, всё посчитать и классифицировать. Сама душа, на объективное исследование которой направлена психология, утрачивается: она теряет свое живое ядро. Научная психология в научных постулатах и научных методах обречена на провал. Научное исследование души в позитивистском понимании научности невозможно. Постулаты и методы тоже не могут быть пересмотрены, поскольку тогда они в рамках этой научности не будут научны.

Фуко тех лет видит выход только в экзистенциальной психологии и экзистенциальной психиатрии [6]. В конце своих ранних статей он призывает обратиться к самому существованию, дать ему голос и попытаться объективно отразить его. Однако стремление к объективизму приводит и самого Фуко, и (по его убеждению) всякого исследователя лишь к антропологизму. «...Превосхождение психологии ведет к антропологии, стремящейся анализировать человеческое существование в его фундаментальных структурах» [4, с. 228].

Фуко стремится показать само существование и его основания в своей первой монографии «Психическая болезнь и личность» и в работе того же 1954 г., во введении к статье Л. Бинсвангера «Сон и существование» [7]. В обращении ко сну, метафоре сна и бодрствования он пытается вскрыть глубинные истоки душевной жизни, неотъемлемые не в силу критерия объективного отражения, а в силу фундаментальной укорененности. Однако самого Фуко даже этот ракурс исследования не устраивает. В конце одной из статей 1957 г. он задается вопросом о настоящем психологии: «Смогли ли эти отказ от “позитивизма” и новый анализ объективных значений разрешить те противоречия, что ее обусловили? – И отвечает вполне однозначно: По-видимому, нет, поскольку эти противоречия мы обнаруживаем в современных формах психологии...» [4, с. 229].

Сам Фуко, вслед за психологией, которую он исследует, оказывается в тупике. Пытаясь его преодолеть, он обращается к практике: к статусу научного исследования в психологической науке. Однако и тут всё ока-

зывается неоднозначно. Именно практика, т.е. научное исследование, по Фуко, является критерием научности психологии, но это исследование всегда одновременно противостоит психологической теории. Так происходит, как убежден Фуко, во всех науках. «Существует, – пишет он, – переходная черта, которая отмечает положение всякого исследования по отношению к конституированной науке: оно всегда противостоит образованию, за счет признанной объективности, оно скорее не дополняет знание, а превосходит и сокрушает его; по крайней мере, по своему рождению, оно всегда, в большей или меньшей степени, принадлежит полю научной ереси...» [3, с. 250–251].

Исследование и практика в психологии имеют еще более противоречивый статус. Для Фуко психологическое исследование всегда противостоит устоявшейся психологической практике. Исследование двигает знание и практику вперед, не реализуя идеал научной объективности, а ставя его под сомнение. Таковы все научные исследования. Фуко подчеркивает: «Прекратив быть знанием, чтобы стать исследованием, наука уже не память, она – история; она отныне не мысль, а практика, не замкнутая цепь знаний, но путь познания, который простирается даже туда, где оно останавливается» [там же, 278].

Даже здесь, в психологическом исследовании, психология обнаруживает свою негативную сущность: своим исследованием она опровергает саму себя. Исследования психологии отнюдь не подтверждают теорию, они независимы от нее: отдельные исследования в ней лишь цепляются друг за друга, подтверждают самих себя, но не какую-либо объективную и научную теорию. Это противоречие теории и практики вскрывает фундаментальную сущность психологии. Путем прояснения психологической практики Фуко приходит к тому же самому результату, что он обнаружил, обращаясь к ее теории, – в основании психологии лежит негативность человека, которую нельзя представить позитивным языком. Живое ядро души негативно и не поддается описанию на языке объективного психологического исследования.

Всякий выход из сложившегося противоречия, который Фуко представляет в ранних работах, антропологичен и, в конце концов, связан с построением экзистенциальной психологии души. В середине 1960-х гг. для него самого становится очевидно, что этот выход приводит к опровержению идеала научной объективности. Фуко так и не нащупывает никакого проекта научной экзистенциальной психологии. Работа «Слова и вещи» поэтому знаменует отход Фуко от антропологического экзистенциального проекта и поворот его к новому идеалу научности, в рамках которого на первый план выходит не существование, а история. Еще в статье «Психология с 1850 по 1950 г.», в ее последних строках, Фуко признает основной целью психологии осмысление породивших ее противоречий и пишет, что «тогда психология была бы возможна лишь как анализ условий существования человека и оживление наиболее человеческого в человеке, т.е. его истории» [4, с. 230]. Однако уже через несколько лет оказывается, что оживление истории принесет отход че-

ловека на второй план и приведет к постулированию Фуко «смерти человека».

Осознание истории и приручение истины

Фундаментальная история и конкретная душа, практическое и теоретическое, эмпирическое и трансцендентное – это один из сюжетов фукольдианской археологии и одна из тем его «Слов и вещей». «Человек для аналитики конечного бытия, – подчеркивает здесь Фуко, – выступает как причудливая двойственность эмпирического и трансцендентального, ибо это существо, которое по себе самому может познать, что же делает возможным всякое познание» [5, с. 339]. Появление такой эмпирико-трансцендентальной двойственности, по Фуко, – точка рождения современной эпохи, а для него самого – прояснение этой особенности – момент рождения его как историографа, эпистемолога и историка мысли и практик.

Фуко, словно говоря о себе самом, выделяет две центральные особенности современной (уходящей истоками в новое время) мысли: открытие того, что 1) «существует некая природа человеческого познания, определяющая его формы и выявляющаяся в собственных эмпирических содержаниях», и что 2) «существует некая история человеческого познания, которая одновременно и дается в эмпирическом знании, и предписывает его формы» [там же, с. 340]. Обе эти формулировки несут хайдеггерианский оттенок: история для Фуко имеет характер некоего бытия, которое обосновывает возможность конечного человеческого существования и раскрывается в нем. Человек, как и у Хайдеггера, становится местом этого прояснения, единственно тем, кто может задать вопрос о возможности. В «Словах и вещах» Фуко уже откровенно говорит: «...Сквозь историю позитивностей проступает более глубокая история самого человека. История эта относится к самому его бытию: он обнаруживает, что не только где-то вокруг него существует “некая история”, но что сам он в своей историчности и есть то, в чем прорисовывается история человеческой жизни, история экономики, история языков» [там же, с. 388].

Так, в «Словах и вещах» Фуко закономерно переходит от психологии и антропологии к эпистемологии и истории мысли. И, хотя в главе с говорящим названием «Антропологический сон» [8] Фуко и обвиняет современную философию в антропологизме, всячески ратуя за пробуждение, сам он построит свой эпистемологический проект на том эмпирико-трансцендентальном удвоении, которое будет характерно для его мысли, начиная с самых ранних работ. Ведь само пространство Истории, к которому он обращается, раскрывается только посредством человека и его практик.

Постепенно изменится сам язык описания. Фуко перестанет говорить о движении самого существования и заговорит о власти и игре ее диспозитивов. Но эта власть по-прежнему будет дана для него в человеческих практиках. Безумие, сексуальность, тюремный надзор, риторические практики античности – все они станут местом «выговаривания» власти.

Здесь полезно акцентировать еще один отзвук раннего опыта занятий психологией – увлечение практикой экзистенциально-феноменологической психиатрии.

Не останавливаясь подробнее на этом опыте (поскольку уже неоднократно о нем писали), отметим лишь то, что относится к настоящему исследованию. Фуко в его ранние творческие годы чрезвычайно занимает характерная для экзистенциально-феноменологической психиатрии связка онтологии и онтики, онтологического порядка *Dasein* и онтического порядка повседневного мира. Людвиг Бинсвангер, к работам которого он проявляет немалый интерес, строит на этой связке свой экзистенциальный анализ. По его убеждению, в психическом заболевании, повседневной жизни, конфликтах души мы видим онтические модификации онтологического бытийного порядка. Экзистенциально-феноменологическая психиатрия располагала возможностью для подобной интерпретации: терапевтическая практика психиатров давала богатый материал. Фуко идет вслед за Бинсвангером в своем «Введении» к его работе «Сон и существование» [7], первой работе, в которой он обращается к практикам Античности. Здесь в античных и более поздних описаниях опыта сновидения и полудрема он пытается усмотреть единый порядок существования. Точно так же в «Истории сексуальности» он будет интерпретировать практики наслаждения, только прочитывать в них будет уже шифры не существования и бытия, а власти.

Поиски изнанки человеческих практик характерны для всех периодов творчества Фуко, и присущее им удвоение сохранится вплоть до последних лет. В поздних лекционных курсах, изданных совсем недавно, мы видим отзвуки ранней проблематизации и отблески раннего исследовательского подчерка. Практики здесь – это одновременно практики заботы о себе и высказывания истины: «...исторически сложившиеся “техники”, посредством которых субъект формирует другое отношение к себе, принимает некий образ жизни, определенным образом вырабатывает отношение к миру и другим» [9, с. 386], и «...высказывание правды, чреватое риском для того, кто ее высказывает...» [там же, с. 389]. Две эти стороны душевной практики Фуко объединяет в понятии *parrêssia*.

Мы не будем вдаваться в подробности позднего, посвященного античности курса Фуко, нас интересует здесь другое. Мы отчетливо видим, что Фуко возвращается к душевной жизни – предмету его раннего интереса, и проблематизирует ее в ракурсе практики душевного раскрытия и развития, в ракурсе политического. Символично, что эту тему он развивает, отталкиваясь от Канта (его «Что такое Просвещение?»): Кант был одним из отправных мыслителей в антропологической канве раннего творчества, Канта («Антропологию с прагматической точки зрения») Фуко переводил, к нему он писал предисловие, защитив эту совокупную работу как вторую диссертацию, о Канте он говорил в поворотной для себя работе «Слова и вещи». Поэтому, когда он снова отталкивается от Канта, это выглядит уже как закономерность, и как закономерность появляются практики душевной работы.

Об этих практиках как практиках желания Фуко говорит в «Истории сексуальности», где их трактовка также отмечена следом трансцендентально-эмпирического удвоения, поскольку что, как не его, можно прочесть в декларируемом там анализе: «...Практик, посредством которых индивиды приводились к тому, чтобы концентрировать внимание на самих себе, расшифровывать себя, узнавать себя в качестве субъекта желания и признавать себя таковым, устанавливая между самим собой и собой отношение определенного типа, дающее индивиду возможность обнаруживать в делании истину своего бытия...» [10, с. 9]. Однако в полной мере практики душевной работы начинают занимать Фуко только в этих поздних лекционных курсах.

Здесь он находится, несомненно, под влиянием штудий Пьера Адо, но от него отличается именно экзистенциально ориентированным пониманием заботы. Фукольдрианская этика предполагает сохранение двух перспектив: перспективы закона и перспективы личного порядка, последний при этом чрезвычайно важен. Фуко, по собственному признанию Адо, в попытке прояснить порядок истории так и не удается избавиться от личностного элемента, это, как говорит Адо, и приводит его, в конечном счете, к эстетике существования как современной форме дендизма. «Фуко, – подчеркивает он, – недостаточно оценивает принадлежность к космическому всеобщему и осознание принадлежности к человеческой общности, осознание, которое соответствует и превосхождению самого себя» [11, с. 210].

Здесь мы вынуждены отчасти не согласиться с Адо. Фуко не то чтобы отбрасывает в своей этике онтологический порядок космического всеобщего, напротив, в понятии заботы о себе и своей психагогике он сохраняет связь онтологии и эмпирии, однако онтологическим пространством для него остается трансцендентное пространство истины. Здесь не случайно название последнего лекционного курса и его проблематика мужества истины, правды, смелости высказывания [12]. Власть представляется здесь промежуточным фильтром, проходя через который всякое высказывание или действие становится объектом его воздействия, – всякое, кроме того, что исходит от философа.

Смысл философии как философского образа жизни, действия или как философской речи, мысли, высказывания в том, что оно смотрит за практики власти и осмеливается на истину. Философия, речь философа несет с собой мужество истины, а образ жизни философа есть жизнь «не по лжи». Здесь человек в своем индивидуальном существовании осмеливается всего лишь жить в соответствии с порядком истины как порядком бытия (онтологическим порядком), проходя сквозь ложную сеть власти.

История философии становится у позднего Фуко – так же, как в его раннем творчестве, история психологии, – пространством отражения коллизий истинного и ложного, психологического и онтологического, индивидуально-практического и исторического. В этих коллизиях и отражается в полной мере его авторский почерк, его специфический, эпистемологический подход, которому со времен раннего творчества со-

путствует стиль греческой трагедии (она предстает перед нами во «Введении» к Бинсвангеровой работе, «Истории сексуальности», поздних лекционных курсах), где за перипетией сюжета – игры богов. Только для Фуко это – игры Истории и печать судьбы, мужество противостояния ей и смелость подчинения.

Литература

Фуко М. Управление собой и другими : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франц в 1982–1983 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. А. В. Дьякова. – СПб. : Наука, 2011. – 432 с.

Фуко М. Психическая болезнь и личность / М. Фуко ; пер. с фр., предисл. и коммент. О. А. Власовой. – СПб. : Гуманит. акад., 2009. – 320 с.

Фуко М. Научное исследование и психология / М. Фуко // Фуко М. Ранние работы / пер. с фр. и предисл. О. А. Власовой. – СПб. : Владимир Даль, 2015. – С. 241–286.

Фуко М. Психология с 1850 по 1950 гг. / М. Фуко // Фуко М. Ранние работы / пер. с фр. и предисл. О. А. Власовой. – СПб. : Владимир Даль, 2015. – С. 197–240.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – СПб. : А-сад, 1994. – 406 с.

Власова О. А. Рецепция феноменологии в психиатрии : между онтологией и онтикой / О. А. Власова // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 152–160.

Фуко М. Введение к: Бинсвангер Л. Сон и существование / М. Фуко // Фуко М. Ранние работы / пер. с фр. и предисл. О. А. Власовой. – СПб. : Владимир Даль, 2015. – С. 83–196.

Власова О. А. «Антропологический сон» Мишеля Фуко : ранние работы / О. А. Власова // Фуко М. Ранние работы / пер. с фр. и предисл. О. А. Власовой. – СПб. : Владимир Даль, 2015. – С. 3–82.

Гро Ф. Обстановка курса / Ф. Гро // Фуко М. Управление собой и другими : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. – СПб. : Наука, 2011. – С. 383–400.

Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / М. Фуко ; пер. В. Каплуна. – СПб. : Академ. проект, 2004. – 432 с.

Адо П. Философия как способ жить. Беседы с Ж. Карлие и А. И. Дэвидсоном / П. Адо ; пер. В. А. Воробьева. – М. ; СПб. : Степной ветер : Коло, 2005. – 288 с.

Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II / М. Фуко // Фуко М. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году ; пер. с фр. А. В. Дьякова. – СПб. : Наука, 2014. – 358 с.

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии

Власова О. А., доктор философских наук, профессор кафедры истории философии

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Тел.: 8(812) 328-94-21, доб. 1841

Saint-Petersburg State University, Institute of Philosophy

Vlasova O. A., DSc in Philosophy, Professor of the History of Philosophy Department

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Tel.: 8(812) 328-94-21, доб. 1841